

На правах рукописи



Ванюшева Ксения Викторовна

**НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В РОССИЙСКОЙ
ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ
(конец XIX – 20-е гг. XX в.)**

Специальность 07.00.06 – Археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск – 2015

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск)

Научный руководитель:

Мельникова Ольга Михайловна – доктор исторических наук, доцент (г. Ижевск).

Официальные оппоненты:

Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Казанский государственный университет культуры и искусств», кафедра искусствоведения, живописи и графики, профессор (г. Казань).

Серых Данила Витальевич – кандидат исторических наук, Государственное бюджетное учреждение культуры Ленинградской области «Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник», отдел фондов, старший научный сотрудник (с. Старая Ладога).

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН

Защита состоится «16» декабря 2015 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2, ауд. 410.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Удмуртского государственного университета по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4 Б. Полный текст диссертации размещён на сайте Удмуртского государственного университета <http://udsu.ru/>.

Электронная версия автореферата и объявление о защите размещены на официальных сайтах ВАК Министерства образования и науки РФ <http://vak.ed.gov.ru> и Удмуртского государственного университета <http://udsu.ru/>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Г. Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Изучение научных коммуникаций в российской археологии имеет важное значение, поскольку любое научное сообщество невозможно без взаимодействия между учеными. От степени доступности научному сообществу информации, найденной отдельным исследователем, зависит общее состояние и развитие дисциплины. Поэтому в науке, как и в любой социальной системе, важную роль играют сложившиеся коммуникативные практики, т.е. совокупность методов и средств передачи научной информации. В силу этого через анализ исторически складывавшейся системы коммуникативных практик, утвердившихся в российской археологии, можно проследить процесс накопления и распространения знаний внутри дисциплины, их хронологическую эволюцию, осмыслить региональные особенности интерпретации археологических данных.

В условиях становления профессиональной исследовательской культуры в России в конце XIX – начале XX вв. именно коммуникации стали стержнем формирующегося научного сообщества. Обмен результатами исследований посредством личного общения, публикаций, обсуждения докладов на заседаниях научных обществ, общероссийских и областных археологических съездах, совместные полевые исследования – всё это разные формы коммуникаций, без которых невозможно было развитие науки (как содержания, так и способов получения знаний). Для провинциальных ученых и любителей, находившихся в отдалении от государственных образовательных и научных учреждений, быть включенным в широкую коммуникационную сеть было очень важно, т.к. проведение археологических изысканий на местах в соответствии с передовыми научными идеями требовало постоянно быть в курсе дисциплинарных изменений. Знакомство провинциальных деятелей с известными учеными и их поддержка имели социальное значение. Оно выражалось в приобретении ими определенного статуса, благодаря чему новичку оказывалось доверие в профессиональных кругах. В связи с этим весьма актуально обращение к изучению научных коммуникаций, посредством которых археология развивалась как самостоятельная научная дисциплина.

Объектом изучения избрана история российской археологии конца XIX – 20-х гг. XX века.

Предметом исследования являются научные коммуникации провинциальных ученых и любителей, складывавшиеся в конце XIX – 20-х гг. XX века.

Хронологические рамки исследования определены концом XIX – 20-ми гг. XX века, когда быстрыми темпами шел процесс институционализации российской археологии и оформлялись устойчивые формы научных коммуникаций. Верхняя граница не

противоречит периодизации истории отечественной археологии, т.к. в 1920-е гг. еще не были жестко установлены новые парадигмы развития науки и продолжали развиваться сложившиеся в дореволюционные годы формы научных коммуникаций. Хотя послереволюционные организационные новации уже начинали оказывать воздействие на сложившуюся практику археологических исследований.

В территориальном смысле акцент делается на историю археологии в Вятской и Пермской губерниях, связанных общностью процессов развития археологии и являвшихся достаточно развитыми археологическими центрами для российской провинции. Ближайшим центром институционально организованной исторической науки (до 1916 г., когда был основан университет в Перми) для этих губерний была Казань, где с 1804 г. существовал университет. Поэтому казанское археологическое сообщество также входит в пространство исследования, но лишь в той мере, как оно воздействовало на формирование профессиональных норм вятских и пермских деятелей, координировало внутрирегиональные связи.

Степень изученности. Проблема роли научных коммуникаций, их форм и содержания не была предметом детального рассмотрения в изучении истории провинциальной археологии. Она лишь косвенно затрагивалась в трудах по истории археологии (описывались контакты в рамках научных организаций, в качестве иллюстраций взаимоотношений приводились письма исследователей). Однако в последнее время эта тема становится всё более привлекательной для исследователей. На Всероссийском археологическом съезде 2011 г. в Великом Новгороде прозвучала серия докладов, посвященных различным проблемам научных коммуникаций археологов. Всероссийский археологический съезд в Казани 2014 года подтвердил значимость этой проблематики как ведущей тенденции в историко-научных археологических исследованиях. Актуализация темы нашла отражение в материалах научной конференции «Ученые и идеи: страницы истории археологического знания», прошедшей в Москве в 2015 г.

В научной литературе обращение к теме коммуникаций происходило через изучение процесса институционализации археологической науки. В трудах обобщающего характера (А.Д. Пряхин, Г.С. Лебедев, А.С. Смирнов), и специальных работах по истории университетов, Археологических институтов (И.Л. Тихонов, Г.Р. Назипова), научных обществ (Л.И. Зорина, И.Б. Сидорова, Г.Н. Чагин), археологических съездов (Д.В. Серых) рассматриваются отдельные примеры взаимодействия исследователей.

Исследуемая проблематика косвенно нашла отражение в работах по изучению внутреннего мира науки, ее корпоративных норм и ценностей (И.Л. Тихонов,

О.М. Мельникова). В них рассматривается влияние горизонтальных и вертикальных связей исследователей на формирование их научного мировоззрения, а выделение и изучение научных школ и традиций в археологии демонстрирует наличие преемственности поколений. Научные коммуникации в провинциальной археологии, в том числе в пределах Вятской и Пермской губерний, отчасти затрагивались в монографии Т.И. Оконниковой¹. Они интересуют автора в первую очередь как средство формирования научных традиций. В монографии исследуется деятельность местных научных обществ, губернских статистических комитетов (ГСК), губернских ученых архивных комиссий (ГУАК) и музеев по исследованию археологии края, выделяются особо значимые для Прикамской археологии персоналии. Т.И. Оконниковой рассматривался вопрос о взаимодействия этих организаций со столичными учреждениями: через участие во Всероссийских археологических съездах (АС) и выполнение инструкций Императорской Археологической комиссии (ИАК). В итоге автор приходит к выводу о бессистемности изысканий в регионе по причине того, что существовавшие механизмы исследовательской деятельности были недостаточны для организации планомерной работы².

Другой важной группой работ, непосредственно относящихся к изучению межличностного общения ученых, являются публикации эпистолярного наследия археологов, которые в последние два десятилетия активно выявляются российскими исследователями. Среди них особо отметим те, что относятся к изучаемому нами периоду. Это переписка финского археолога А.М. Тальгрена с российскими столичными и провинциальными коллегами, целенаправленно изучаемая С.В. Кузьминых³. Отдельной монографией изданы письма историка, археолога Д.Я. Самоквасова (1843 – 1911)⁴. Исследуется эпистолярное наследие А.А. Спицына⁵, частично опубликованы письма П.С. Уваровой⁶, казанских археологов А.Ф. Лихачева⁷ и С.И. Порфирьева⁸, вятского

¹ Оконникова Т.И. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.). Ижевск, 2002. 173 с.

² Там же. С. 49.

³ Кузьминых С.В. Штрихи к научной биографии В.В. Гольмстен: пять писем А.М. Тальгрена // С.В. Кузьминых Вера Владимировна Гольмстен. Самара, 2007. С. 98–114. *Его же*. В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн: диалог в переписке // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф., часть 1. М., 2003. С. 6–8. и др.

⁴ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843-1911). Курск, 2007. 508 с.

⁵ Кузьминых С.В. Проблемы эпохи раннего металла в научном наследии А.А. Спицына // Археология восточноевропейской лесостепи: сборник научных трудов. Воронеж, 2009. С.145-162. Тихонов И.Л. Из эпистолярного наследия А.А. Спицына (Письма к С.Ф. Платонову) // СА, 1991. №2. С.265-275.

⁶ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 144. С. 307-323.

⁷ Измайлова С.Ю. Письма А.Ф. Лихачева в фондах Государственного объединенного музея Татарстана. Казань, 1994. 43 с.

⁸ И это все пройдет... Судьбы и время: русские интеллигенты в начале XX в. Переписка Нестора Мемноновича Петровского и Сергея Ивановича Порфирьева (1899-1921 гг.) / Под ред. К.А. Руденко. Казань, 2012. 264 с.

этнографа Д.К. Зеленина⁹. Ряд писем столичных археологов приводит И.Л. Тихонов в приложении к своей монографии¹⁰.

Однако в перечисленных работах письма рассматриваются в первую очередь как источники по истории науки, в комментариях, как правило, акцентируются отдельные детали, дополняющие биографию ученого. Осмысление содержания писем с точки зрения формирования коммуникативного пространства науки, складывания и распространения профессиональных норм, развития теории и практики археологической науки только начинает привлекать внимание исследователей¹¹.

Цель работы – определить значение научных коммуникаций в становлении и развитии провинциальной археологической науки в конце XIX – 20-х гг. XX века. Ее достижение возможно при решении следующих **задач**:

- обосновать методологию изучения проблемы научных коммуникаций в истории российской археологии.
- проанализировать научные коммуникации провинциальных археологов в конце XIX – 20-х гг. XX века, их формы, содержание, эффективность.
- охарактеризовать переписку провинциальных исследователей конца XIX – 20-х гг. XX в. как значимую форму научных взаимодействий.

Источниковая база. В качестве источников исследования археологической коммуникации в провинции были использованы материалы периодической печати и продолжающихся изданий, публикуемые в Вятской, Пермской губерниях с конца XIX в. по 20-е гг. XX в.. Они отражают формальный канал передачи научной информации. «Вятские губернские ведомости», «Вятские епархиальные ведомости», «Пермские епархиальные ведомости», «Вятская речь», «Известия Общества археологии, истории и этнографии», «Известия Сарапульского земского музея», «Памятная книжка Вятской губернии», «Труды Вятской ученой архивной комиссии», а также указатели статей, помещенных в них за определенный период, дают возможность оценить периодичность, объемы и тематику информации о древностях, официально оглашаемой в провинции.

Источниками послужили письма археологов Вятской и Пермской губерний конца XIX – 20-х гг. XX в., выявленные автором в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦИАМ), Государственном архиве Свердловской области, Государственном архиве Кировской области (ГАКО),

⁹ Бердинских В.А. Из эпистолярного наследия Дмитрия Константиновича Зеленина // СЭ. 1978. С.61-71.

¹⁰ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб., 2003. С. 251-252, 254, 281-282.

¹¹ Измайлова С.Ю. «Казанский антиквариум». Казань, 2006. 200 с. *Её же*. Творческая лаборатория провинциального ученого (по материалам переписки А.Ф. Лихачева) // Материалы Лихачевских чтений. 5-7 апреля 2006 г. Казань, 2007. С. 20-38.

Государственном архиве Пермского края (ГАПК), Центральном государственном архиве Удмуртской республики (ЦГА УР). Многоплановому анализу были подвергнуты письма И.Я. Кривошекова – Ф.А. Теплоухову за 1886 – 1888 гг., В.С. Малченко за 1903 – 1904 гг.; Ф.А. Теплоухова – В.С. Малченко за 1902 – 1903 гг.; А.А. Спицына – И.Г. Остроумову за 1903 – 1930 гг.; А.С. Лебедева – М.С. Тюнину за 1909 г.; Л.А. Беркутова – М.С. Тюнину за 1910 – 1911 гг.; О.Е. Клера В.Г. Дружинину за 1890 – 1896 гг., П.С. Уваровой за 1897 г., Н.К. Минко за 1908 г., С.И. Сергееву за 1891 – 1897 гг., Н.Н. Новокрещенных за 1896 г., Д.П. Соломирскому за 1896 г., а также письма региональных корреспондентов (Р.Г. Игнатьева, Н.Г. Первухина), археолога-любителя Н.А. Рыжникова и провинциальных краеведческих организаций (Вятской и Пермской УАК) в Московское археологическое общество (МАО) и в ИАК. В исследовании были проанализированы письма А.С. Лебедева А.М. Тальгрону, обнаруженные в 2005 г. в Рукописном отделе библиотеки Хельсинского университета старшим научным сотрудником Института Археологии РАН С.В. Кузьминых в фонде А.М. Тальгрена. Совместно С.В. Кузьминых, О.М. Мельниковой и автором данных строк было исследовано и опубликовано 28 писем, датируемых с 1911 по 1929 гг.¹². Вводятся в научный оборот 2 неизвестных прежде письма А.С. Лебедева вятскому этнографу И.К. Зеленову за 1910 г., обнаруженные в Центральном архиве Нижегородской области ведущим специалистом Государственного архива социально-политической истории Кировской области В.С. Жаравиным и любезно переданные автору исследования. В общей сложности в работе использовано более 80 писем.

Методология и методы исследования. Незаработанность проблемы научных коммуникаций в истории российской археологии определила междисциплинарный характер исследования. В науковедении, информатике, социологии, социальной психологии коммуникации являются предметом изучения уже длительное время, а в последнее десятилетие к этому вопросу обратилась и отечественная историческая наука. Таким образом, сочетание наработок различных наук позволили проверить общие теоретические построения эмпирическими наблюдениями по истории археологии с определенной временной и территориальной локализацией.

Для анализа эпистолярных источников был избран историко-антропологический подход. Он позволяет рассматривать образ науки сквозь призму деятельности конкретных личностей, что актуализирует проблему коммуникаций. Важное место среди использованных методов исследования занимает микроанализ (конкретного текста, ситуации, межличностных отношений в интеллектуальной среде). Научное сообщество

¹² «Надо торопиться жить, торопиться работать»: письма А.С. Лебедева А.М. Тальгрону / Публ. С.В. Кузьминых, О.М. Мельниковой, К.В. Ванюшевой // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Ижевск, 2008. Вып. 2. С. 171–200.

является системой подвижной и развивающейся, такими же характеристиками обладают и научные коммуникации. В силу этого, изучение их с позиции микроисторического анализа, которому присуще особое внимание к фактору взаимосвязей и взаимодействия в функционировании различных обществ, является весьма продуктивным. Сравнение взглядов, жизненных позиций, общности судеб научных деятелей начала XX в. помогло понять причины возникновения сети личных связей вокруг отдельной личности. Использование типологического метода позволило упорядочить контакты ученых и выйти на новый уровень обобщения научных взаимодействий.

В изучении писем применялись методы текстологический и деконструкции текстов, которые дали возможность извлечь максимально полную и достоверную информацию из столь важных для изучения коммуникаций, но таких субъективных источников, как письма. Также были использованы различные подходы в интерпретации текста, такие как герменевтический, направленный на постижение смысла текста как сообщения, адресованного потенциальному читателю, и структурно-семиотический, нацеленный на его декодирование.

Принцип системности позволит из отдельных элементов воссоздать целостную картину сети научных коммуникаций в провинции.

Научная новизна. В диссертации впервые разработана общая концепция научных коммуникаций в российской провинциальной археологии конца XIX – 20-х гг. XX в., дана их характеристика как значимого социокультурного института в становлении археологии как науки.

В исследовании также впервые вводится в научный оборот ряд эпистолярных источников.

Научно-практическая ценность работы. Исследование будет полезно для археологов, историков, краеведов. Работа дает системный взгляд на механизмы функционирования провинциального археологического сообщества конца XIX – 20-х гг. XX века. Обоснованная типология научных коммуникаций может быть использована как модель изучения истории археологии в других российских регионах. Материалы и выводы диссертации могут применяться в профессиональной социализации молодых археологов, для систематического изложения истории археологии в учебно-педагогических целях, при создании научных исследований и учебных пособий по истории археологии. Вводимые в научный оборот источники могут служить в качестве фактологической основы для изучения истории археологии, особенно в Урало-Поволжском регионе, при создании и исследовании научных биографий отдельных ученых и исследовательских коллективов.

Диссертация соответствует паспорту научной специальности 07.00.06 – «археология», областям исследования п. 11 «История археологии» отрасли «Исторические науки».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Коммуникации имели большое значение для развития российской археологической науки: как элементы рекрутинга, обучения и социализации новых кадров. В профессиональной деятельности они способствовали налаживанию сотрудничества, формированию норм, вызреванию идей и концепций. Широкий круг научных коммуникаций давал исследователю информационное преимущество.

2. Площадками для коммуникаций провинциальных археологов с региональными коллегами были научные общества, университеты, периодические издания, со столичными специалистами и археологами других регионов страны – ИАК, МАО, столичные университеты / археологические институты, АС, центральные печатные издания.

3. Базой развития профессиональной деятельности провинциального археолога была формальная коммуникация, представленная периодическими, продолжающимися и монографическими изданиями.

4. Неформальная коммуникация способствовала вызреванию новых идей, складыванию научных объединений, получению необходимых библиографических ссылок, моральной поддержке.

5. Переписка являлась необходимым элементом функционирования провинциального научного сообщества, т.к. позволяла оперативно обмениваться информацией, решать проблемы нехватки на местах научной литературы, формировать дуплетные фонды, поддерживать наукотворческий диалог вне времени и пространства.

6. В Вятской, Пермской губерниях в конце XIX – 20-х гг. XX века наиболее продуктивными для развития археологической науки были горизонтальные связи с региональными коллегами.

Степень достоверности работы определяется использованием в качестве источников более 80 писем столичных и региональных исследователей, впервые выявленных автором в пяти архивохранилищах России (РГАДА, ЦИАМ, ГАПК, ГАСО, ЦГА УР) и проанализированных с использованием современных методов исследования. **Апробация работы** проведена в докладах на научных конференциях: XXXIV, XXXVI, XXXVII итоговых студенческих научных конференциях Удмуртского государственного университета (Ижевск, 2006; 2008; 2009), XXXVIII, XXXIX, XL Урало-Поволжских археологических конференциях студентов и молодых ученых (Астрахань, 2006; Пермь,

2007; Самара, 2008), научной конференции молодых ученых «Новые материалы и методы археологического исследования» (Москва, 2011), региональной научно-практической конференции «Седьмые Татищевские чтения» (Екатеринбург, 2008), Всероссийских научно-практических конференциях «Финно-угры-славяне-тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации)» (Ижевск, 2009), «История идей и история общества» (Нижневартовск, 2010), «Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения)» (Ижевск, 2010), VI, VII «Берсовские чтения» (Екатеринбург, 2011; 2014), «XIX Уральское археологическое совещание» (Сыктывкар, 2013), «IV(XX) Всероссийский археологический съезд» (Казань, 2014), XLVII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2009), XV, XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2008; 2009), международной научной конференции «История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX вв.» (Челябинск, 2011), «Ученые и идеи: страницы истории археологического знания» (Москва, 2015). Основные положения исследования опубликованы в 24 печатных работах, в том числе три публикации источника с научным комментарием и три статьи – в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается характеристика темы диссертации, определяются ее актуальность, цели и задачи, хронологические и территориальные границы исследования, степень изученности, сформулированы объект и предмет научного осмысления, определен круг привлекаемых источников, названы основные методические приемы работы.

В **первой** главе «**Методологические основы изучения проблемы научных коммуникаций в истории российской археологии**» проводится анализ литературы, посвященной проблеме, выделяются основные подходы к ее изучению, определяются используемые термины и дефиниции.

В рамках параграфа **1.1. «Методологические подходы к изучению научных коммуникаций»** выделяются основные положения таких подходов, как социология науки, социальная психология, историография исторической науки, выявляются особенности науковедческого и информационного подходов.

1.1.1. Социология науки о научных коммуникациях. Наиболее полезными для изучения коммуникаций в археологии стали исследования Н. Лумана, Р. Штихвея, П. Бурдые, Ю. Хабермаса, Р. Коллинза. Обобщенно модель коммуникаций в социологии

науки можно представить следующим образом: все субъекты, владеющие кодом, т.е. занимающие какое-либо место в научном сообществе, оказываются включенными в научный дискурс (через непосредственное межличностное общение или создание/изучение научной публикации). Любая озвученная мысль имеет значение для глобального процесса развития науки. Но практически, ценность этой мысли-идеи зависит от ее места в сетевом информационном пространстве, поскольку при широкой известности она будет стимулировать интеллектуальную деятельность сообщества. Вследствие этого, высока вероятность получения продуктивных результатов в одной из отраслей знания. На личностном уровне это определяет стремление ученых занять в коммуникативном пространстве дисциплины ключевые позиции.

1.1.2. Социальная психология и проблема научных коммуникаций. В социальной психологии научные коммуникации рассматриваются в рамках изучения механизмов передачи социального опыта, условий формирования социального самосознания человека. В основе подхода лежит принцип взаимозависимости творчества субъекта и его социальных связей. По наблюдениям О.Н. Астафьевой¹³, коммуникации имеют особую методологическую значимость, поскольку во время общения активно используются интеллектуальная интуиция и творческое воображение ученого. Таким образом, в процессе диалога оказывается важна не только вербальная коммуникация, а возбуждаемая при этом внутренняя работа мысли, именно она может привести ученого к эвристическим результатам.

1.1.3. Науковедческий подход в изучении научных коммуникаций. Науковедческие исследования рассматривают коммуникации как составную часть процессов функционирования и развития науки. На основе наработок зарубежных социологов проблема разрабатывалась А.П. Огурцовым, А.В. Юревичем, А.Г. Аллахвердян, А.Г. Вагановым, А.В. Литвиновым. В этих работах выделяются различные формы научных коммуникаций в истории науки: научные общества, академии, «невидимые колледжи», переписка ученых.

Понимание науки как коммуникации четко обозначил в 90-х гг. XX в. А.П. Огурцов. Его позиция состояла в том, что «ни ход, ни результаты, ни субъекты познания не могут быть оторгнуты от той ситуации общения, в которой осуществляется научное исследование»¹⁴. Наука сплетена из множества диалогических связей: и со своими современниками, и со своими предшественниками. Их взаимопонимание

¹³ Астафьева О.Н. Личность ученого в системе научных коммуникаций (часть 1) // Личность. Культура. Общество. 2009. Том 11. Вып. 4 (№№ 51-52). С. 136-146. *Её же.* Личность ученого в системе научных коммуникаций (окончание) // Личность. Культура. Общество. 2010. Том 12. Вып. 4 (№№ 59-60). С. 111-123.

¹⁴ Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // Философские исследования. 1993. №3. С. 12-59.

возможно благодаря нахождению всех участников коммуникации в одном интеллектуальном поле науки, где предшественники и современники становятся равноправными участниками диалога.

1.1.4. Информационный подход в исследовании научных коммуникаций.

Научные коммуникации изучались в информатике в связи с исследованием закономерностей создания научной информации, ее преобразованием, передачей и использованием в различных сферах человеческой деятельности. В информатике коммуникации являются предметом изучения с 70-х гг. XX в., когда велись поиски улучшения работы отдельных коллективов, решалась проблема внутридисциплинарного взаимодействия¹⁵. В этих работах выделяются и анализируются виды (формальные и неформальные), каналы (научные издания, межличностное общение на конференциях, семинарах, совещаниях, в рамках научных обществ и «невидимых коллегий», в переписке) коммуникаций в науке. Однако наиболее подробно изучены научные издания как источник и средство распространения информации.

1.1.5. Научные коммуникации как объект историографии и истории исторической науки. В последние два десятилетия проблематика коммуникаций из эпизодической становится все более актуальной в историографической практике. Современная историко-научная мысль относит коммуникацию к числу базовых механизмов функционирования и развития науки и ее связей с обществом, а также считает ее важным условием формирования личности ученого и его ценностных ориентаций. Состояние научной коммуникации (широта, протяженность, интенсивность) определяет жизнеспособность научного сообщества, непосредственно отражается на уровне эффективности научных исследований.

В историографических работах, освещающих период конца XIX – первой трети XX в., рассмотрены положение историков в научном сообществе и характер их взаимоотношений (И.Л. Беленький, Т.М. Бон, Е.А. Ростовцев), проанализированы условия формирования и взаимодействия «научных школ» (В.П. Корзун, О.Б. Леонтьева, О.М. Мельникова, Г.П. Мягков), обращено внимание на роль межличностных коммуникаций (Л.А. Бушуева, В.В. Митрофанов, А.А. Серых) и институциональные коммуникативные площадки (Ю.В. Краснова, К.Б. Умбрашко). М.П. Мохначева в монографии «Журналистика и историческая наука» впервые выделила в качестве

¹⁵ Михайлов А.И. Научные коммуникации и информатика. М., 1976. 436 с.

самостоятельной темы исследования проблему коммуникации в научно-литературном сообществе как важнейшее условие и проявление наукотворчества¹⁶.

В параграфе 1.2. «**Терминологические определения и дефиниции**» конструируется понятийная исследовательская программа, при помощи категорий которой будет произведен анализ конкретно-историографического материала. В целях изучения проблемы непрерывный коммуникативный процесс раскладывается на отдельные фрагменты – коммуникативные события и коммуникативные акты. Следуя классической модели Г. Лассуэлла, из каждого такого акта вычленяются следующие компоненты: участники коммуникации (кто?) – коммуниканты; сообщение (что передается?); канал (как осуществляется передача?); эффективность (с каким эффектом?). Дополнением к этому может быть такой элемент, влияющий на кодирование и интерпретацию информации, как *контекст* коммуникации.

В разных науках используются различные критерии дифференциации коммуникаций, изучение которых создало основу для исследования и классификации конкретных форм взаимодействия российских археологов конца XIX – 20-х гг. XX вв. в археологии. В социальной психологии выделяются по субъектам и средствам – межличностные и обезличенные коммуникации; по составу коммуникантов – интраперсональная, межличностная, групповая, массовая; по форме общения – вербальная и невербальная; по каналам общения – формальная и неформальная; по иерархичности (по пространственному расположению каналов) – вертикальные, горизонтальные и диагональные. Кроме того, В.П. Корзун отмечает значимость для исторических исследований разделение коммуникаций: 1) По степени интенсивности на постоянные, ограниченные и эпизодические. 2) По направленности выделяются внутринаучные и внешние – с обществом, властью, бизнесом и т.д. 3) По способу трансляции информации или системе кодирования послания можно обозначить устные, письменные / печатные. 4) По критерию культурного взаимодействия выделяют внутрикультурную и межкультурную коммуникацию¹⁷.

В результате анализа опыта различных дисциплин была создана теоретическая модель исследования научных коммуникаций в провинциальной археологии конца XIX – 20-х гг. XX века.

¹⁶ Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII – XIX вв. М., 1998. 383 с. *Её же*. Журналистика и историческая наука. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30-70-х гг. XIX в. М., 1999. 511 с.

¹⁷ Корзун В.П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков: сборник статей. Челябинск, 2011. С. 293-294.

Во второй главе «Коммуникативные площадки отечественной археологии в конце XIX – 20-х гг. XX века» по территориальному принципу состава участников выделены и проанализированы внутрорегиональные и внешние (общероссийские) коммуникативные площадки провинциальных археологов. Каждая из них задавала контекст общению, определяла локальный и временной параметры складывавшихся отношений. Это, в свою очередь, влияло на выбор модели взаимодействия ученых: коммуникация, соавторство, наставничество, коллегиальность.

В параграфе 2.1. «Внешнее (общероссийское) коммуникативное пространство провинциальных археологов» рассмотрены коммуникации провинциальных археологов со столичными учеными и коллегами из разных регионов страны. В ходе анализа литературы и архивных материалов был выделен круг лиц и организаций, заинтересованных в совместной деятельности, описана основная тематика и характер общения, результаты взаимодействия, на которые рассчитывали столичные и провинциальные коллеги, проблемы, с которыми им приходилось сталкиваться.

2.1.1. Императорская Археологическая Комиссия и Московское археологическое общество. Проанализированы взаимоотношения столичных научных организаций и провинциальных археологов, выделены пути сотрудничества. ИАК, как коммуникационная единица, была олицетворением государственной власти, следовательно, отношения с этим учреждением строились по типу «власть – наука» или «государство – представитель провинциальной организации».

Взаимодействие ИАК и провинции происходило различными способами. Это могли быть односторонние сообщения – в Комиссию из регионов посылали Отчеты, находки, наиболее выдающиеся изделия оставлялись в Эрмитаже или в Государственном историческом музее, прочие передавались на хранение в местные музеи. Другим вариантом сотрудничества была поддержка ИАК исследований в провинции через ГУАК, при которых создавались музеи, выделялись средства на ведение раскопок и публикацию материалов. ИАК выстраивала деловые отношения и с отдельными региональными исследователями. Комиссия неоднократно прибегала к их помощи для приобретения находимых в провинции древностей, проверки сведений об этих находках и выяснения их археологического контекста. Местные ревнители древностей обращались к столичному учреждению в случаях, требующих вмешательства властей в деле охраны культурного наследия Урала. На такие обращения ИАК реагировала письмами местным чиновникам, губернатору, в которых указывала на необходимость принятия тех или иных мер, выражала благодарность за охрану древних памятников от незаконных раскопок.

Современными исследователями высоко оценивается сотрудничество уральских археологов с МАО для развития провинциальной науки. Такие выводы основаны на анализе биографий отдельных личностей и результатов АС, в особенности IV, проходившего в Казани в 1877 г.. В качестве дополнительного источника, позволяющего судить о значении подобных контактов, в диссертации были использованы письма, которые отложились как в фондах МАО центральных архивов страны, так и в региональных архивах.

В переписке с МАО состояли научные общества и частные лица. Первые, в основном, поддерживали обмен печатными изданиями, за счет чего провинциальная наука получала доступ к материалам передовых исследований, а местные древности включались в библиотеку всероссийских знаний. На этом же уровне обсуждались глобальные цели по широкому привлечению внимания к изучению прошлого региона. Местная интеллигенция хорошо осознавала большое прогрессивное значение проводимых МАО археологических съездов для развития археологии в крае. Поэтому активно участвовала в подготовительной работе в виде разработки вопросов предварительных программ съезда, присланных МАО.

Переписка уральских членов-корреспондентов с МАО с первого взгляда представляла собой формальное общение, построенное на решение организационных вопросов выполнения заданий Общества, кратких докладах о достигнутых результатах. Теоретически оно не предполагало эмоциональной составляющей, но практически часто было глубоко индивидуальным. Судя по содержанию передаваемой информации подобные контакты можно скорее отнести к категории патронатных, чем вписать в рамки сугубо деловых отношений начальник-подчиненный.

В целом научные контакты уральских археологов и МАО были длительными и обоюдовыгодными. Провинциальные деятели выполняли поручения столичного Общества, целью которого было получение целостного глубокого понимания исторического и доисторического прошлого страны. Причем тематика исследований не всегда инициировалась сверху, а часто поддерживались местные разработки. Из мозаики трудов, отправляемых региональными учеными в Москву, складывалось полное представление об археологических богатствах России. МАО же обеспечивало финансовую, административную и даже эмоционально-психологическую поддержку, снабжало литературой и предоставляло необходимые научные консультации. Это сотрудничество решало многие трудности археологии в провинции, позволяло исследователям, не отвлекаться на организационные вопросы, а заниматься интересующей их научной проблематикой.

2.1.2. Археологические съезды (Всероссийские и областные). Дана обобщенная характеристика Всероссийским и областным АС как коммуникативным событиям. Всероссийские и областные АС предполагали такие формы коммуникации как заслушивание докладов и дискуссии по их поводу, свободное неформальное общение, экскурсии. Обсуждение новых идей, методов и других научных вопросов ведущими специалистами России на глазах местных любителей сделали Всероссийские АС серьезной научной школой для провинциальной интеллигенции. В прениях по докладам участники уточняли сообщения, делились сведениями, завязывали личные контакты. Широкая тематика докладов (о формировании археологических коллекций, о древних исторических комплексах и крупных археологических раскопках, о создании провинциальных музеев и деятельности ученых архивных комиссий, и др.) обрисовывала проблемы и перспективы исследования, возбуждала научный интерес, стимулировала археологические изыскания в регионе.

Областные АС, организуемые ГУАК, были в определенной степени альтернативой Всероссийским съездам, проводимым МАО. Лидирующую роль там играли ученые другого – Петербургского научного центра – члены ИАК и преподаватели Петербургского археологического института. Это влияло на установление более тесных научных контактов со специалистами Петербургской школы.

Позитивным результатом участия провинциалов во всероссийском или областном форуме была возможность наладить деловые отношения с представителями крупных научных центров страны, заручиться их поддержкой, а также поддерживать высокий уровень собственной компетенции.

2.1.3. Классические университеты / археологические институты. Определены пути введения любителей в научный мир посредством столичных университетов и Археологических институтов. Столичные университеты и Археологические институты представляли собой канал вертикальной коммуникации профессиональных археологов и неофитов.

В Московском университете читали специальные лекции Д.И. Анучин, В.А. Городцов, Ю.В. Готье, в Петербургском – С.А. Жебелев, А.А. Спицын, Ф.К. Волков. Через лекционное общение с преподавателями – состоявшимися учеными, и другие формы их работы («вечерние беседы», практические занятия в музеях, кабинете археологии, организации выставок, археологические экскурсии и раскопки) студенты усваивали не только теоретический материал, но и правила научного сообщества, и лексику дисциплины.

Петербургский археологический институт, открытый в 1878 г., кроме осуществления собственно учебно-коммуникационной деятельности, выпускал специальные печатные издания: «Сборник археологического института», а затем – «Вестник археологии и истории». Они распространялись по всей стране и стимулировали самостоятельную деятельность провинциальных любителей старины, которые получили возможность сообщать туда всё, что касалось местных древностей. Кроме того, в них публиковались теоретические материалы, нормативные документы и рекомендации по проведению археологических раскопок и организации архивного дела.

В 1907 г. археологический институт был открыт и в Москве. Наполненный теоретический курс предполагал системное изучение археологии от первобытной эпохи до средневековья. К этому добавлялся большой объем практических и экспедиционных работ.

Археологические институты давали возможность получить археологическое образование и малоимущим вольнослушателям, и людям, не имевшим базового высшего образования, поэтому были чрезвычайно привлекательны для провинциальных деятелей. И в дальнейшем привязанность к традициям одного из научных центров определяла выбор тематики и методики работы на местах.

2.1.4. Научные публикации в периодических, продолжающихся изданиях, монографии. Научные публикации являются основным полем формальной коммуникации между всеми интересующимися древнейшей историей страны, где ученые заявляют о своих научных приоритетах, вступают в диалог с предшественниками и читателями. Столичные периодические, продолжающиеся и монографические издания были одним из инструментов привлечения новых кадров в науку. Для провинциальных исследователей они служили ориентирами научной деятельности. Тексты не только несли фактическую и методическую информацию, но и приглашали к диалогу на заданную тему.

В области археологии в исследуемый период первой удачной попыткой создания специализированного журнала были «Археологические известия и заметки», издаваемые МАО с 1893 по 1899 год. Это продолжающееся издание было посвящено, прежде всего, русским церковным и бытовым древностям, произведениям древней письменности. Отдельный раздел был посвящен археологической хронике, в том числе иностранной, которая позволяла оперативно следить за событиями в науке в Европе и давала возможность российским археологам интегрироваться в европейское научное сообщество. Большое внимание было уделено охране исторических памятников, и в этой связи, часть пространства журнала отводилась освещению работы научных учреждений и обществ, съездов, музеев, выставок и на обзоры новых изданий (библиографический раздел).

Официальное периодическое издание центрального государственного учреждения ИАК появилось лишь в 1901 г. Это были «Известия Императорской Археологической Комиссии». В них освещалась деятельность комиссии, и также публиковалась хроника археологической жизни России (сообщались новости о деятельности ученых обществ и учреждений, сведения о раскопках, памятниках древности, назывались новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России, а также давался обзор статей историко-археологического содержания в русских повременных изданиях за полугодие).

В изучаемый период начинают выходить многолетние серии научных работ («Материалы по археологии России» (с 1866 г.), «Материалы по археологии восточных губерний России» (с 1893 г.), труды АС (с 1871 г.), издаваемые МАО, «Отчеты» ИАК (с 1859 г.), «Труды» и «Сообщения» ГАИМК (1921 – 1927 гг.) и др.). Издания выпускались сериями по территориальному и тематическому признакам. Подобное разграничение систематизировало публикации и формировало специализацию внутри научного сообщества, создавались микросообщества. Несомненным плюсом таких продолжающихся изданий как коммуникативной площадки было то, что они содержали работы и столичных, и провинциальных археологов. Для исследователей из регионов участие в такого рода сборниках было серьезным испытанием на соответствие представленного материала всем современным требованиям дисциплины. А также служило признанием значимости их научных изысканий, включало их в круг элитной коммуникации.

Более высоким в аналитическом отношении уровнем публикаций были монографические издания. Для провинциальных археологов они служили ориентирами в исследовательской деятельности (в выборе темы, ее освещении и пр.). Тематические группы археологических монографий того периода, выделенные автором, показывают направления, предлагаемые провинциалам столичными учеными. Помимо теоретической и методологической базы, содержащихся в них, они были практическим примером для написания собственных работ.

Формальные коммуникации, представленные столичными печатными изданиями, служили провинциальным археологам скорее источником получения различных сведений, чем площадкой для равноправного диалога. Конечно, спектр этих сведений был достаточно широк: новости о проводимых раскопках в России и за рубежом, вопросы методики полевых и камеральных исследований (как в форме непосредственных инструкций, так и через отдельные примеры из историографических, биографических заметок), теоретические материалы, библиографические сообщения и т.д. Это позволяло в

общих чертах представить текущее положение дел в дисциплинарном сообществе, выбрать свободную нишу для научных исследований, наметить соратников и оппонентов.

В параграфе **2.2. «Внутрирегиональные площадки археологической коммуникации провинциальных деятелей»** представлены такие возможные места для научного общения как научные общества, университеты, периодическая печать и продолжающиеся издания и по совокупности критерий (направленности сигналов, содержанию и механизму передачи информации, интенсивности общения) определена их роль для развития науки.

2.2.1. Научные общества. В этом разделе работы охарактеризованы ГСК, ГУАК, как государственно-общественные формы объединения местных исследователей, предшествующие собственно научным обществам, региональные научные общества как площадки археологической коммуникации (участники, формы, цели общения). В Вятской и Пермской губерниях археологическое направление присутствовало в деятельности губернских статистических комитетов и ученых архивных комиссий, а также таких обществ, как Уральское общество любителей естествознания, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском императорском университете (ОАИЭ), Общество изучения Прикамского края, Кукарское образовательное общество, Общество любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края, Историческое общество в г. Малмыже, а также в ряде церковно-археологических обществ.

Научные общества предполагали такие внутринаучные формы коммуникаций, как непосредственное общение на научных заседаниях и общих собраниях, издание научных работ членов общества, а также участие в археологических экспедициях. На общих собраниях происходило обсуждение организационных вопросов, заслушивание годичных отчетов, докладов о проведенных исследованиях членов общества и их дальнейшее обсуждение. Заседания местных образовательных обществ были трибуной, с которой ученые разных специальностей и интересующиеся соответствующей проблематикой любители выступали с докладами, обсуждали актуальные вопросы изучения истории края (в том числе древнейшей истории). Там впервые публично представлялись результаты археологических экскурсий, показывались находки. Присутствующие члены общества могли лично уточнить интересующие их моменты в отчете докладчика, согласиться или высказать сомнения в сделанных им выводах. Таким образом, происходила своеобразная апробация работы в кругу региональных коллег.

Еще одним позитивным моментом было равное право голоса всех членов общества, что позволяло молодежи свободно высказывать мысли в отношении докладов старших коллег, тем самым показывая себя и приобретая опыт научных дискуссий. Кроме того,

поскольку зачастую члены одного общества входили одновременно и в состав других обществ, постольку информация о проводимых раскопках, интересных находках могла дойти до коллег из других регионов еще до ее официального опубликования. Это способствовало налаживанию межрегиональных связей исследователей, интересовавшихся сходной проблематикой.

Общества, в лице своих членов, прислушивались, чутко реагировали на требования времени, не оставались в стороне от актуальных проблем. Это было возможно благодаря обширной сети связей с другими организациями. Сотрудничество осуществлялось путем переписки, обмена изданиями и дубликатами.

2.2.2. Университеты. Представлена краткая характеристика особенностей университетской коммуникации, проанализированы возможности Казанского Императорского университета для обучения и развития археологов. Университет как высшее учебное заведение обладает особой корпоративной культурой, в основе которой находятся коммуникативные процессы, призванные поддержать деловую активность членов сообщества, создать условия для развития, поиска новых стратегических решений, сформировать устойчивый положительный имидж организации и завоевать общественное признание¹⁸. Вятская и Пермская губернии входили в Казанский учебный округ. Казанский университет был самым крупным научным и учебным центром региона и стал для многих провинциалов входными воротами в мир науки. Несмотря на то, что в Казанском университете в конце XIX – первой трети XX вв. не было отделения, готовившего профессиональных археологов (как и в столичных университетах), среди профессоров было немало тех, кто увлекался изучением древностей. Преподаватели Н.П. Загоскин, С.М. Шпилевский, А.А. Штукенберг, Б.Ф. Адлер, Н.В. Высоцкий, С.К. Кузнецов, П.И. Кротов и др. обращались к проблемам региональных древностей. Многие профессора Казанского университета, интересовавшиеся археологией, были выпускниками Санкт-Петербургского университета (А.А. Штукенберг, Г.Н. Потанин), что послужило складыванию более тесных взаимоотношений с этим столичным научным центром.

Такие формы коммуникаций как лекционные и практические занятия на историко-филологическом и физико-математическом факультетах, в которых присутствовали данные археологических исследований, пробуждали интерес к проблемам древнейшей истории и к самой методике получения информации. В дальнейшем это приводило к

¹⁸ Краснова Ю.В. Университет как коммуникативное пространство (на примере столичных университетов России конца XIX – начала XX в.) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 4. Омск, 2008. С. 285-303.

внеклассным занятиям древностями, поэтому среди региональных археологов много тех, кто окончил именно эти факультеты.

Конечно, наибольшую роль в процессе приобщения молодого поколения к древнейшей истории играло университетское ОАИЭ, которое открывало новые возможности для познавательного общения учеников и учителей. Раскопки, организованные обществом, стали важной формой коммуникации, поскольку археология здесь из сопутствующего знания превращалась в предмет общения. В ходе полевых исследований передавались и осваивались навыки профессиональных раскопок, происходило неформальное общение разных поколений археологов, студентов и преподавателей, укреплялись доверительные отношения. В неформальном диалоге со старшими товарищами для начинающего исследователя открывались перспективы и возможности выбранной им профессии, раскрывались не только профессиональные, но и человеческие качества преподавателя, что укрепляло его авторитет. Также в полевых условиях между участниками устанавливались доверительные отношения, которые впоследствии перерастали в плодотворное сотрудничество.

На биографическом материале раскрыта роль преподавателя П.А. Пономарева в формировании археологов А.С. Лебедева и М.Г. Худякова.

2.2.3. Периодическая печать и продолжающиеся издания. Охарактеризованы отдельные периодические печатные издания, выходившие в Вятской губернии в конце XIX – первой трети XX вв. как коммуникативные площадки. В провинции во второй половине XIX в. газеты и журналы были основным видом чтения и, соответственно, главными трансляторами научных идей. Только в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. выпускались губернским правлением «Вятские губернские ведомости», статистическим комитетом – «Памятные книжки Вятской губернии и календари», земством – «Вятская газета» и «Известия» Сарапульского земского музея, выходило специальное церковное издание – «Вятские епархиальные ведомости», «Труды» Вятской ученой архивной комиссии, а также частные газеты, как «Вятская жизнь» (впоследствии «Вятский край», «Вятская речь») и др. Кроме того, важное значение имели продолжающиеся издания крупного научного центра региона – Казани, такие как «Известия» Казанского ОАИЭ. В большей или меньшей степени все местные периодические и продолжающиеся издания обращались к вопросам истории края. Освещение в печати находок старинных кладов и древних вещей, вызывавших любопытство обывателей, приводило к большому притоку неофитов в провинциальную археологию.

Доступные по цене периодические журналы возбуждали и поддерживали интерес к древностям среди широких слоев интеллигенции: врачей, учителей, священнослужителей, государственных служащих. Путем издания периодических сборников ГСК, ГУАК, региональных научных обществ, заполненных историческими и археологическими работами местных авторов родилась массовая провинциальная научная литература, которая в свою очередь накапливала уникальные комплексы источников и формировала исследователей из числа местных любителей старины. Однако рассыпанные по неспециализированным губернским изданиям, сведения об археологических древностях часто были труднодоступны для академической и университетской профессуры, что приводило к определенной отчужденности столичной науки от провинциальных исследователей.

В третьей главе **«Переписка исследователей как эффективное средство научной коммуникации в российской провинциальной археологии конца XIX – 20-х гг. XX века»** на основе обширного массива эпистолярных материалов доказана значимость устойчивых научных связей исследователей для продуктивной творческой деятельности, и переписки как необходимого элемента функционирования научного сообщества.

В параграфе **3.1. «Внутригубернская коммуникация»** проанализирована переписка О.Е. Клера с членами УОЛЕ сысертским меценатом Д.П. Соломирским, а также челябинским чиновником переселенческого ведомства, археологом Н.К. Минко, переписка председателя Музея Сарапульского земства М.С. Тюнина и Л.А. Беркутова, М.С. Тюнина и вятского родиноведа А.С. Лебедева, пермских деятелей Ф.А. Теплоухова и М.С. Малченко, Ф.А. Теплоухова и И.Я. Кривошекова. Этот уровень предполагал наиболее оперативный обмен информацией, решение текущих проблем, получение информации о специальных книжных изданиях. Не были исключением и обстоятельные письма, в содержании которых просматриваются эмпирические обобщения, «изнутри» вырабатываются профессиональные нормы. Во внутренней переписке прослеживаются ценности, которые определяют приемлемые цели, способы деятельности, критерии оценки результатов.

В параграфе **3.2. «Региональная коммуникация»** рассмотрена переписка О.Е. Клера с пермскими археологами, членами Пермской УАК Н.Н. Новокрещенных и С.И. Сергеевым, А.С. Лебедева с И.К. Зеленовым. Общение с региональными коллегами имело более широкую тематику: территориальное разделение археологических исследований между специальными обществами с целью максимально эффективного охвата памятников, помощь в контроле за состоянием археологических объектов,

консультации по изучению памятников с учетом местной специфики. Обсуждались вопросы методики археологических раскопок и интерпретации материала.

В параграфе **3.3. «Общероссийские и европейские коммуникации»** изучены письма А.А. Спицына И.Г. Остроумову, О.Е. Клера В.Г. Дружинину, А.С. Лебедева А.М. Тальгрёну. На общероссийском и европейском уровне важны были контакты с выдающимися археологами того времени, представителями столичных научных центров, такими как В.А. Городцов, А.А. Спицын, А.М. Тальгрён, Ж. де Бай.

Тематическое разнообразие общения (общее состояние археологической науки в стране, новости о находках, научных обществах, археологических съездах, развитие музеев, поиск необходимых научных изданий, обмен мнениями о книжных новинках, совместные научные проекты) свидетельствует о насыщенности жизни провинциального ученого событиями. Эта научная событийность, высоко оцененная в психологической модели коммуникации, служит источником научного творчества, дает вдохновение, продуцирует идеи и стимулирует дальнейшую деятельность. Даже при условии территориальной отдаленности ученых социальная, духовная, мировоззренческая близость весьма значительно способствовало налаживанию общения и сотрудничества. И даже на общероссийском уровне коммуникации могли быть глубоко личными, обеспечивающими моральную поддержку в научной сфере. В дружеских посланиях коллеги раскрывали глубокие профессиональные переживания, основанные на анализе собственной деятельности, делились радостями, поражениями, проектами. Пространство письма превращалось в поле рефлексии, благодаря которой рождались новые идеи.

Таким образом, сети личных связей провинциальных ученых играли существенную роль в успешности научной деятельности. Они обеспечивали ученого как материально-техническими средствами труда (в результате обмена изданиями), так и интеллектуальными предложениями (выражавшимися в совместной реализации научных проектов, заказах на написание тематических работ), способствовали освоению профессиональных норм.

В **заключении** подведены итоги исследования. Научные коммуникации являются важным механизмом развития науки, ее связей с обществом, необходимым условием становления личности ученого, его системы ценностей. В конце XIX – 20-х гг. XX в. в России археологические институты, научные общества, всероссийские и областные археологические съезды, университеты, печатные издания – выполняли функции внутригруппового общения археологов.

Базой развития профессиональной деятельности была формальная коммуникация, представленная монографическими публикациями и статьями в периодических,

продолжающихся изданиях. Она служила источником привлечения в археологию неофитов, часто была основой специальной подготовки провинциалов. Это площадка межкультурной коммуникации, которая позволяла на местах учиться у выдающихся современных ученых, их предшественников, окунаться в исследование проблем практически всех периодов древнейшей истории. Основной функцией печатных археологических изданий как вида коммуникации было создание информационного поля, где вклад каждого ученого преобразовывался в совокупное научное знание. Кроме того, они давали возможность широким научным кругам познакомиться с достижениями исследователя, а значит, закрепляли за ним статус специалиста в той области знаний.

Провинциальные научные общества создавали условия для внутригруппового горизонтального взаимодействия исследователей, где впервые происходила публичная апробация работы, коллегиально вырабатывались программы по сохранению и изучению местных древностей. Научные коммуникации носили постоянный характер и включали, в основном, узкую группу региональных ученых и археологов-любителей. В содержательном плане контакты были локально ориентированы. Научные общества не только позволяли ученым быть в курсе проводимых в губернии исследований, но и поддерживали корпоративный дух, следили за соблюдением корпоративных норм. На общероссийском уровне взаимодействие различных образовательных обществ позволяло получать необходимую литературу, оперативно обмениваться новостями, консультироваться, изыскивать возможности публикации и т.д. Столичное археологическое сообщество отнюдь не было закрытым для общения образованием, передавало знания и положительный опыт.

АС как коммуникативное событие предполагали непродолжительно, но интенсивное научное общение с широким составом делегатов. Участие провинциалов во всероссийском или областном форуме предоставляло им возможность погрузиться в многочисленные диагональные связи, в результате чего найти единомышленников, будущих соавторов, наладить деловые отношения с представителями крупных научных центров страны, заручиться их расположением или даже покровительством. Масштаб мероприятия позволял обращаться, с одной стороны, к более глобальным, а с другой, к более специальным научным вопросам. Вследствие этого съезды помогали специалистам поддерживать высокий уровень собственной компетенции.

Университеты и археологические институты были средством вхождения в большую науку. Вертикальная коммуникация с преподавателями и старшими товарищами передавала как фактический материал по древнейшим периодам истории, так и транслировала особенности научного языка дисциплины, профессиональную культуру

археологов (нормы, ценности). Получение образования в том или ином учебном заведении (Московский, Петербургский, Казанский университеты, Московский, Петербургский археологические институты) часто определяло дальнейшую привязанность к традициям этого научного центра. Кроме того, преобладание научных связей с одной из столиц (членами МАО или ИАК), наблюдавшееся у исследователей разных частей Приуралья, вылилось в склонность к выбору или бытописательской проблематики или вопросов, касающихся систематизации материала.

Общества, съезды и образовательные учреждения давали возможность непосредственного межличностного общения. Однако в отсутствии такой возможности межличностные коммуникации поддерживались путем частной переписки.

Переписка являлась таким видом коммуникации, которая с одной стороны осуществляла оперативный обмен информации, а с другой, позволяла поддерживать диалог вне времени и пространства. Она способствовала сохранению деловых отношений между научными обществами и отдельными исследователями, столичными специалистами и провинциальными коллегами. Содержательная сторона общения не регламентировалась. Научные достижения (результаты раскопок и теоретических разработок, изменения в методике, организация музеев, кружков, образовательных обществ и т.д.) деятелей разных регионов России являлись постоянным предметом обсуждения. Письма давали возможность обговорить, разобрать собственную работу (процесс, результаты, перспективы). Нередко обсуждались светские новости, сплетни. Путем установления переписки с другими учеными и обществами, обменом книг, брошюр, журналов, отчетов, выпускаемых ими решалась проблема нехватки на местах научных, учебных и методических материалов, формировались дуплетные фонды.

Письма были площадкой научной рефлексии: в них, раньше, чем в публикациях, проводился анализ собственной работы исследователей и творчества коллег. В информационном поле письма делались выводы, корректировавшие рекомендуемые изначально (в печати) общие приемы и методы поиска, раскопок, фиксации, демонстрации материала, а также вырабатывались правила, учитывавшие региональные особенности археологических памятников. И эта информация позволяет теперь судить о внутренних механизмах научной деятельности.

На протяжении своей карьеры типичный провинциальный археолог участвовал в научных коммуникациях в разных ролях. Сначала исключительно как потребитель научной информации, а впоследствии и как ее создатель. Свидетельством признания научных заслуг провинциального археолога было включение его в круг элитной коммуникации, т.е. возможность практически на равных общаться с такими

значительными деятелями российской археологии как А.С. или П.С. Уваровы (что иногда означало включение в члены МАО), А.А. Бобринским, А.А. Спицыным, В.А. Городцовым, А.М. Тальгреном и др. Это давало информационное преимущество в дальнейших исследованиях (возможность читать рукописи еще до их опубликования, получать предложения о сотрудничестве, узнавать о новейших достижениях в дисциплине «из первых уст», быть в курсе готовящихся проектов, обсуждать проблемы и планы).

Неформальная коммуникация со старшими товарищами (преподавателями университета, археологического института) и с соратниками (студенческими друзьями, коллегами по научному обществу) способствовала вызреванию новых идей и направлений научной деятельности, получению необходимых ссылок, пособий и, что немаловажно, моральной поддержке в условиях научной конкуренции, давления со стороны власти, жизненных обстоятельств. Именно неформальное общение способствовало пробуждению интереса к тем или иным аспектам науки.

Тема научных коммуникаций в российской провинциальной археологии достаточно обширна и позволяет наметить целый ряд перспективных направлений в ее дальнейшем изучении: 1) археологическая журналистика, в рамках которой возможно более подробно проанализировать содержание археологических публикаций в периодических изданиях с точки зрения социального или политического заказа, авторского посыла, рассмотреть систему цитирования как связь поколений исследователей и признание научных авторитетов; 2) реконструкция авторских концепций и преемственность идей не только непосредственно от университетских учителей, но и под влиянием научной литературы, неформального круга общения; 3) воссоздание образа археологической науки через исследование публицистических текстов и частной переписки, он, несомненно, обогатит представление об условиях работы того поколения археологов. Важно сравнить насколько схожими окажется видение картины науки столичными учеными, провинциальными любителями и официально пропагандируемый образ.

Основные положения работы изложены в следующих публикациях:

в журналах, рекомендованных ВАК:

1. Ванюшева, К.В. Коммуникативные практики в истории отечественной археологии (XVIII – конец 80-х гг. XX в.) / К.В. Ванюшева // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – Серия «История и филология». – Вып. 3. – С. 93-98.

2. Ванюшева, К.В. Письма как источник изучения истории археологии в Приуралье / К.В. Ванюшева // Российская археология. – 2012. – № 2. – С.108-112.

3. Ванюшева, К.В. Научные публикации в системе профессиональной подготовки археологов в российской провинции (конец XIX – начало XX вв.) / К.В. Ванюшева // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – Серия «История и филология». – Вып. 1. – С. 107-111.

в других изданиях:

4. Ванюшева, К.В. Из истории переписки А.С. Лебедева и М.М. Тальгрена / К.В. Ванюшева // XXXVIII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция/ АГУ. – Астрахань:, 2006. – С. 202-204.

5. Ванюшева, К.В. Причины создания провинциальных научных обществ в пореформенной России (на примере Кукарского Образовательного общества) / К.В. Ванюшева // XXXIV итоговая студенческая научная конференция / УдГУ. – Ижевск, 2006. – С. 375-377.

6. Ванюшева, К.В. Создание Кукарского Образовательного общества как шаг в развитии родиноведения в провинции / К.В. Ванюшева // Материалы XXXIX Урало-Поволжской археологической студенческой конференции – Пермь, 2007. – С. 9-11.

7. Ванюшева, К.В. Научные коммуникации в истории отечественной археологии в начале XX века [Электронный ресурс] / К.В. Ванюшева. // Материалы докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев. – Электрон. дан. – М.: Издательство МГУ; СП МЫСЛЬ, 2008. – Режим доступа: <http://www.lomonosov-msu.ru/2008/> (дата обращения: 02.02.2009).

8. Ванюшева, К.В. Научные коммуникации в истории отечественной археологии в начале XX века / К.В. Ванюшева // XXXVI итоговая студенческая научная конференция, посвященная 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства / УдГУ. – Ижевск, 2008. – С. 415.

9. Ванюшева, К.В. Родиноведческая деятельность А.С. Лебедева (1888–1937) / К.В. Ванюшева // Седьмые Татищевские чтения: доклады и сообщения. – Екатеринбург, 2008. – С. 128-133.

10. Ванюшева, К.В. Роль научных коммуникаций в жизни провинциального российского ученого-археолога на рубеже XIX-XX вв. / К.В. Ванюшева // XL международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: материалы и тезисы докладов. – Самара, 2008. – С. 49-52.

11. Ванюшева, К.В. Археологическое сообщество начала XX в. в лицах (по материалам переписки вятского родиноведа А.С. Лебедева (1888–1937)) / К.В. Ванюшева

// XXXVII итоговая студенческая научная конференция: материалы итоговой студ. науч. конф./ УдГУ. – Ижевск, 2009. – С. 320-322.

12. Ванюшева, К.В. Переписка провинциального ученого-археолога А.С. Лебедева как форма коммуникаций и источник их изучения / К.В. Ванюшева // Финно-угры-славяне-тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации): сборник материалов Всероссийской научной конференции./ УдГУ. – Ижевск, 2009. – С. 377-385.

13. Ванюшева, К.В. Провинциальное и столичное археологическое сообщество в письмах вятского родооведа А.С. Лебедева (1888–1937) / К.В. Ванюшева // «Студент и научно-технический прогресс»: Археология Евразии: материалы XLVII Международной научной студенческой конференции / НГУ. – Новосибирск, 2009. – С. 58-60.

14. Ванюшева, К.В. Провинциальное и столичное археологическое сообщество в письмах вятского родооведа А.С. Лебедева (1888–1937) [Электронный ресурс] / К.В. Ванюшева. // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев. – Электрон. дан. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Режим доступа: <http://www.lomonosov-msu.ru/2009/>. (дата обращения: 5.12.2009).

15. Ванюшева, К.В. А.С. Лебедев и М.Г. Худяков: штрихи к портрету интеллектуального лидера в провинциальной археологии начала XX в. / К.В. Ванюшева // История идей и история общества: материалы VIII Всероссийской научной конференции. / НГГУ. – Нижневартовск, 2010. – С. 204-206.

16. Ванюшева, К.В. Письма как источник изучения истории провинциальной археологии в России / К.В. Ванюшева // Новые материалы и методы археологического исследования: научная конференция молодых ученых. / ИА РАН. – М., 2011. – С. 90-91.

17. Ванюшева, К.В. Роль межличностных коммуникаций в профессионализации провинциальной археологии в России (конец XIX – начало XX в.) / К.В. Ванюшева // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX вв.: материалы международной научной конференции. – М.: ИВИ РАН, 2011. – С. 58-60.

18. Ванюшева, К.В. Роль межличностных коммуникаций в профессионализации провинциальной археологии в России (конец XIX – начало XX в.) / К.В. Ванюшева // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII –XXI веков: сборник статей. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – С. 330-336.

19. Ванюшева, К.В. Сотрудничество уральских археологов с Московским археологическим обществом (по материалам переписки) / К.В. Ванюшева // VI Берсовские чтения: материалы конференции. – Екатеринбург, 2011. – С. 16-20.

20. Ванюшева, К.В. Переписка как источник по истории уральской археологии / К.В. Ванюшева // Переходные эпохи в археологии: материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание» / ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2013. – С. 150-152.
21. Ванюшева, К.В. «Даже я начинаю втягиваться в археологический вкус»: письма И. Я. Кривошекова Ф. А. Теплоухову (1886–1888) / К.В. Ванюшева // Ежегодник финно-угорских исследований. – Вып. 4. – Ижевск, 2014. – С. 52-73.
22. Ванюшева, К.В. Археологические исследования окружного лесничего И.Я. Кривошекова в пермском имении графов Строгановых (по материалам переписки с Ф.А. Теплоуховым в 1886-1888 гг.) / К.В. Ванюшева // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докладов международной науч. конф. / Сост. С.В. Кузьминых, А.С. Смирнов, И.А. Сорокина. – М.: Институт археологии РАН, 2015. – С. 13-14.
23. Ванюшева, К.В. Письма О.Е. Клера В.Г. Дружинину как источник по истории изучения финно-угорских народов / К.В. Ванюшева // Ежегодник финно-угорских исследований. – Вып. 1. – Ижевск, 2015. – С. 99-111.
24. «Надо торопиться жить, торопиться работать»: письма А.С. Лебедева А.М. Тальгрену / Публ. С.В. Кузьминых, О.М. Мельниковой, К.В. Ванюшевой // Вестник Удмуртского университета. – Вып. 2. – Серия «История и филология». – Ижевск, 2008. – С. 171-200.